

СТАРЬЁВЩИК

От весны до весны бабушка моя складывала под сарай в чувалы ношенные–переносные вещи детей и внуков, латанные-перелатанные пожитки. Рядышком сваливала в кучу прохудившиеся чугунки и другую кухонную утварь - тряпичнику Тимоше на мену.

Весна не могла набрать обороты без Тимошина приезда. Так уж повелось: только с появлением его волшебной колесницы закручивалась настоящая апрельская куролесица. Старьёвщик вкатывал в деревню на буланой в проплешинах кобыле со стороны гнездиловского моста. Пойма подсыхала от ила после схлынувшего паводка. Шибче надавало солнышко, ярче выпестрялись пролесками холмы и пригорки, а в Матрёниных ракичках поднимался такой галдёж, что всем было ясно: пора. Пора вытаскивать из амбаров плуги и бороны, прозеленять картошку, спроваживать коров на первую травку. Слышалось рычание тракторов, щёлканье кнута, мычание вырвавшегося на волю стада и лёгкое похохатывание молодого апрельского грома над волглыми луговинами.

Никто не знал, сколько Тимоше от роду. И пять, и десять, и двадцать лет назад казался он стариком. То ли по роду своего занятия, то ли из-за того, что носил окладистую седую бороду.

И зимой, и летом ходил в ватных брюках, здорово выручавших его. Левой ноги не было. Подвернув ватную штанину, Тимоша опирался изуродованной на фронте культей на протез, «свостоженный» много лет назад столяром Филькой. Ходил медленно, прихрамывая и поскрипывая, оставляя на дороге ямочки от деревяшки. На шее висел то ли шарф, то ли половинка бабьей шали.

Старик был беспросветно одинок. Не привязан, как перикати-поле, ни к какому месту. В войну снаряд попал в его хату, ставшую могилой для жены Катерины и двухлетнего сына Гришутки.

Возвратясь на пепелище, соорудил фронтовик от дождей и непогоды кибитку на цыганский манер. Объезжал окрестные деревеньки, набивал телегу всякой рухлядью и исчезал на год, никто не ведал куда.

Обычно тряпичник подгадывал и появлялся на Страстной неделе, лишь обдует мал-мало просёлки. Останавливался у первой хаты, и вся улица сразу узнавала о его появлении.

Бабы, управляясь к Пасхе, белили, мели, скребли, выгребали ненужное со двора. Ребяшня тащила к телеге никчемные пожитки. Тимоша собирал выставленные у калиток мешки, а «на мену» предлагал всякие безделушки. Детвора томилась, поджидала старьёвщика, облепляла муравейником однокибиточный табор.

- Погодите, не гвалдите,- улыбаясь в бороду, угоманивал детишек Тимоша и, загадочно побрякивая, выставлял в лопухи волшебный сундук. С замиранием сердца ребята гадали, чем на этот раз удивит старый тряпичник.

А тот, как нарочно, не торопился показывать чудеса, спрятанные под крышкой. Стенки сундучка были расписаны невиданными цветами и птицами, а товар укрыт выцветшим подшалком.

Наступал самый радостный момент. Детишки замирали. Тимоша с криком: «Налетай, мальва!» - скидывал подшалок. Ребятня с визгом хватала облюбованную игрушку. Мальчишки тузили друг дружку из-за какой-нибудь безделицы.

Для баб выставлялся другой сундук, намного больше. Тимоша чинно открывал его, Митривны и Никитишны с любопытством вынимали городские фельдиперсовые чулки и газовые косынки, кружевные комбинации и гребешки, пуговицы и шпильки-булавки. Гомонили, разглядывали, примеряли. Набирали охапками и торговались с тряпичником.

Тот со знанием дела подыскивал полушалки, да чтоб каждой к лицу, да чтоб не хуже, чем у товарки, полушалки. Умело отмерял, накручивая на деревянную метровую рейку, кружева.

- Тебе, Настёна, нынче капроновый в горох прихватил, самый наимоднющий.

- Ишь ты! Ай, приглянулась наша Настёнка? – подначивали бабы.

- А мы-то чем хуже? Нут-ка, и нам что похитрей сыщи!

И рылись-перерывали Тимошин сундук.

Приезд тряпичника под Пасху был кстати. Хозяйки наменивали подарков на всю семью, а Тимоша вознаграждался ворохом никчёмной домашней утвари и мешками побитых молью тряпок. Куда потом всё девал, оставалось для сельчан секретом.

В каждой деревне старьёвщик задерживался только на день.

К вечеру бабушка Нюра шла за ним на другой конец улицы и приглашала на постой.

- Пренепременно буду, Григоривна. Поклон Ликсанычу, - отвечал Тимоша и сворачивал базар.

Уже затемно въезжал на наш двор. Гуси, сбившиеся у калитки снежной горкой, кагакали и, сонно переваливаясь, отступали к палисаднику. Тимоша распрягал «ярманку».

Дедушка подждал его, сидя на растрескавшемся пеньке у крыльца, попыхивая сигаркой. Старики «здоравливались» и неспешно направлялись в горницу. В углу на керогазе пошипывала глазунья. Бабушка, выставив поллитру сливовицы, нарезала краюху.

Деды усаживались друг против дружки за покрытый домотканой скатёркой стол, чокались гранёными стопками.

- Со свиданьем, Мишура!

- Со свиданьем, Тимоша!

Дедушка в своё время портняжил. С годами «дель свою вынуждён был оставить, по причине болести правого глаза». Но «бурки» продолжал шить

отменные. От старух и до молодых, все окрест обувались с его рук. «Не бурки - игрушки у Мишуры», - считали деревенские. Никаких валенок не нужно. Тёплые, на трёхслойной вате. Сукнецо выбирал потолще, подобротнее. Девки в клубе «Барыню» дробили в них, не уставали. Лёгонькие.

- Отложил тебе нынче драпчик – моё почтеньице, - сообщил Тимоша хозяину,- пальтецо Миколавна сдала, тока рукава побиты, ды пару дырок за воротом шашал наковырял, а так – хоть куды ишо. Но, того лучше, Петрова вдова шинелку принесла. Скока годков в сундуке под нафталином берегла!

- Ды почитай лет тридцать с гаком. Ить он и поносить–то дома не успел. Как привезла Марья с лазарету в сорок третьем, так и не поднялся боле. Царство небесное!

Не чокаясь, старики выпили ещё по стопочке, за помин Петровой души, и Тимоша поспешил во двор за шинелью.

Возвратившись, лукаво посмотрел на меня: « Подь–ка, Тата, принеси водицы».

Я выскочила в сенцы и возвратилась с ковшиком.

Старик опустил руку в карман затрапезного «пинжака» и что-то вынул. Разжал кулак перед моим носом: «Вот тебе, девонька, подарочек. Ни у кого такого нету. Соловушка, да не простой, замороженный. Наши-то от силы месяц запузывают, а энтот будет каждый день потешать, дажить зимой, коли захочешь».

На Тимошиной ладони стояла маленькая глиняная свистулька. Тряпичник капнул в неё водички. Соловей как начал выдавать, будто всамделешный! То тихонечко подщёлкивает, а то взовьёт в такую высь, что огонёк в керосиновой лампе дрожит. Дедушка даже фитилёк утаил.

Допоздна старики «гуторили об своём», а я летала по хате с соловейкой. Выдувала бурлящую в свистульке водицу на все лады, пока бабушка не остепенила: «Ды уймёшься ты ноне, ай нет?»

Такого расчудесного подарка не получала от нашего постояльца никогда. Одной привёз, отметил, чтоб на улице похвастала.

По зорьке дедушка вышел проводить Тимошу.

С печки расслышала, как он «откутал» чулан и принёс связанные верёвочкой новые бурки - к задкам суровыми нитками подшиты кожицы, вырезанные из старых ботинок.

- Вот, Тимоша, носи на здоровье ды нас вспоминай. Для тебя справил. На энтот год хватют, стопчишь, ишо слажу.

Прослезившись, старьёвщик вынул из сундука чёрный шерстяной платок с алыми розами по краям и приподнёс бабушке: «Ну, Григоривна, спасибо за хлеб-соль».

И покатил мимо умытых к Пасхе хат, мимо разбалованного за зиму стада, мимо убежавшей далеко за околицу кузни.

- Теперича будем дожидаться Тимошеньку через год, - вздохнула бабушка и накрыла плечи подарком. - Нукося, Таня, как там соловушко-то

выдаёт? Уехал Тимоша, а нам радость посля себя оставил. Вся жисть на колёсах, ни кола, ни двора. Храни его, Господи, в пути.